Рассказ скачан на сайте http://eromo.org
Название: Орел или решка? Часть 2

После того, как с Леной было все кончено, и она, счастливая, опустошенная, потягивалась на гальке, Лиза сказала:
— Осталась только ты, Надежда...
— Надежда умирает последней, — слабым голосом подхватила Леночка; голос еще не слушался ее.
Надя вдруг набычилась:
— Не... Не хочу, — и прикрыла обеими руками свою пизду.
Мы оторопели.
— Ну как же? Ты ж хочешь!... — сказала Лиза. — Давай! Это так... так приятно, просто потрясающе! Игорь такой... Нет никаких слов... Ты ж видишь... — и Лиза повела руками, показывая на себя и Лену, — Главное, сама все придумала, и сачкуешь?
Я молчал, до крайности удивленный тем, как Лиза агитирует подругу переспать со мной.
— Давай. Что ж, сделала нас... сама знаешь кем... и в кусты? — продолжала Лиза.
Так вот оно что! Здесь, оказывается, сложная женская психология!
— Девочки, не приставайте. Если Надя не хочет, ее нельзя заставлять. Да и... — я хотел сказать, что устал, но понял, что тем самым разрушу нимб вокруг своей головы — нимб бога любви.
Надя вдруг сдалась:
— Ладно. Насилуйте меня. Вот она я. Берите меня, дырявьте меня!... — в ее голосе звучали отчаянные нотки, а на глазах показались слезы. Но я видел, что Наде хочется секса так же сильно, как и подругам, может быть, даже сильнее. И поэтому, не отойдя еще от секса с Леной, я прильнул к Наде, обнял ее и принялся ласкать.
Надя немедленно поддалась, выгибаясь под моими поцелуями. По ее щекам катились слезы. Я забрался рукой в ее пизду — там все прямо чавкало от соков. Я нежно сказал ей:
— Раз ты такая вредная, я сейчас зацелую тебя до смерти, — и впился в ее ротик.
Этот поцелуй тут же снес нам крышу. Я снова почувствовал, как «поймал волну» — как нас обоих уносит головокружительный поток, ведет нас, как в танце, и нужно только вовремя слушаться его. Я целовал Надю, страстно обнимая ее, лаская ей по очереди сосочки и чавкающую пизду, она урчала и страстно прижмала меня к себе... С ней я решил попробовать другую тактику — тем более, что хуй мой пока болтался без дела.
Мы сидели на гальке; я целовал ее в губы, лаская рукой пизду; потом целовал шею, ушки (от этого поцелуя она захрипела, и я подумал, что в оргазме ее ждет невыносимое блаженство), спустился к грудке... Тут и хуй мой проснулся. Я снова попросил одеть на меня презерватив — последний, — Надя тоже не сразу справилась с этим, — и я усадил ее на себя, как читал в инструкции, и стал ласкать рукой вокруг пизды, целовать сосочки, и потом — мало-помалу ебать, неглубоко, не заходя внутрь.
Такой секс, когда мы приноровились к нему, принес дикое наслаждение нам обоим. Надя прижималась ко мне все более и более страстно, порывисто... иногда — судорожно обхватывала меня за шею или за плечи, и целовала сама — в макушку, в лицо, в уши. К Наде у меня было особенное отношение — только теперь я понял это (поздновато...) — она была самая хрупкая, самая незащищенная среди них всех, и я понимал, чего ей стоило решиться на

этот секс. В ту минуту — когда Надя нежно целовала меня, постанывая и прижимаясь ко мне, а я ласкал ей пизду и грудки — я многое понял. Понял, что мне нельзя было, по-хорошему, ебать Надю при всех (как и нельзя было ебать никого из этих наивных девочек), но назад уже дороги нет... Понял, что Надя неспроста предложила нам секс: это была бравада, надрыв, который возник на почве...

... Надя так нежно отвечала на ласки, что у меня уже не было сомнений: она неравнодушна ко мне. И это понимание вдруг связало нас какими-то токами: я обнял ее нежно-нежно, провел кончиком пальца по клитору, она отозвалась, задрожала...

Я ебал ее все быстрее, интенсивнее, не проникая пока внутрь, и чувствовал, что она близка к оргазму. Потом, не прекращая ласк, постарался уложить ее на гальку, мигнул девочкам — и они мигом прильнули к ее соскам, а я — к пизде. Надя блаженно завыла, напряглась... (я подумал, что отмечаю женский оргазм, как рабочий момент) — но вдруг решил... оправдаться перед ней, что ли, — подарить ей больше блаженства, чем другим девочкам. И — не стал в нее входить, а продолжал лизать ее пизду все время, пока Надя билась в оргазме — до тех пор, пока судорога не отпустила ее бедра, и девочка не начала обмякать... Кроме того — я чувствовал, что мой хуй еще недостаточно отвердел. «Как бы не оплошать», думал я...

Надин оргазм был не похож на оргазмы ее подруг: она словно изживала его в себе, не выпускала наружу муку наслаждения — закусывала губы, мычала, дергалась... Когда она затихла, я сказал: «это был первый раунд», и продолжил ласки, попросив девочек целовать ей груди, лицо и уши. Надя заметалась под нашими поцелуями, и я начал ебать ее — едва-едва проникая хуем в дырочку. Она сжалась в преддверии второго оргазма — и тут я стал входить в нее. Как и Лена, она кончала все время, пока я входил в нее, — а вот я так и не кончил, к своему стыду. Силенок не хватило. Впрочем, этого, конечно, никто не заметил.

И Надя попробовала на вкус свою девственность, и ее кровь осталась на листочке из блокнота — с пометкой «Надя».

Потом Надя лежала, а я ласкал ее, благодарил, говорил, какая она молодец — стараясь не вызвать ревности других девочек, и в то же время сделать приятное Наде...

Вот так я выебал всех трех подруг. У меня дрожали руки, а внутри будто разливалась большая-пребольшая пустота... Оргия на этом не закончилась: девочки успели возбудиться по второму кругу, и я делал всем «куни»; потом и Надя возбудилась, и ее пизденку я лизал и смоктал, пока Наденька не зашлась стоном... Потом и мне очень захотелось разрядки, и я попросил приласкать меня: поцеловать мне уши и яички в то время, пока я буду дрочить хуй. Эта фантазия возникла у меня прямо на месте, и принесла неописуемое блаженство: вот когда я узнал, на что обрек девочек... Поцелуи ушей — нечто невозможное: язычки будто проникают тебе в самый мозг, месят его, и тебя заволакивает скользким дурманом блаженства; в это время третий язычок теребит твою мошонку, и кажется, будто ты таешь, как мороженое...

***

После третьего оргазма я был так истощен, что не мог пошевелиться, и мы все вчетвером лежали какое-то время прямо друг на друге. Прошло много времени, солнце клонилось к закату, зверски хотелось кушать и купаться, но не было сил.

Все комплексы, все табу были уничтожены, и мы лежали, как зверята или как одна семья. Удивительно, но это было так. Мы все ласкали друг друга — и я, и девочки. Было настроение удивительной интимности и опустошения. Никогда не забуду этого момента...

Потом — все-таки поползли в воду. После купания решили отметить этот великий день в баре. Надя вдруг попросила меня «навести ей макияж»: нарисовать на веках и вокруг глаз черные круги, а лицо и уши закрасить синим, — что я и сделал, к удивлению Лены с Лизой. Потом она еще больше удивила нас: взяла кусок голубой глины, размочила его — и принялась втирать глину в волосы. Скоро у нее на голове образовался глиняный шлем, и Надя стала похожа на расписной горшочек. Она объяснила, что хочет войти в бар в образе инопланетянки, какой она ощущает сейчас себя, — и так и пошла: с черными кругами вокруг глаз, с синим лицом и ушами, и с головой, густо обмазанной глиной. Она и впрямь была похожа на инопланетянку...

Что дальше рассказать? Мы посидели в баре, торжественно выпили «за новоиспеченных женщин» — за всех вместе и каждую по отдельности. На Надю все глазели, естественно; глина на ее голове засохла, и мы писали на ней разные слова — приличные и не очень. Потом мы напились пьяные, и — не помню, как нашли дорогу домой...

На следующий день я поднялся с дикой головной болью и мутной душой, попросил вернуть мне деньги, уплаченные за неделю вперед, и уехал из Коктебеля.

***

Я ехал в поезде, на боковой полке, добытой с боем. На душе выли волки. Я чувствовал себя последней скотиной — и не только из-за того, что выеб трех малолеток, но и из-за того, что не понял вовремя Надю. И — частично из-за того, что сбежал. Струсил и сбежал.

В глубине души где-то шевелилась гордость за то, что я, совершенно неопытный любовник, принес столько наслаждения трем девушкам и, по всей видимости, совершенно безболезненно лишил их девственности; но за гордость эту мне было тоже стыдно, и я отгонял ее...

Надя. Ничего не знаем друг о друге. Никогда не встретимся. Никогда. Никогда...

... Звонок. Смотрю на телефон — незнакомый номер. И вдруг — в безумной надежде — жму на кнопку и ору:

— Алло! Алло!!! — кнопка не нажалась, телефон продолжает надсадно гудеть.

— Алло! Кто? Лена?!... Как... Как ты узнала мой телефон?

— Ты потерял блокнот на пляже, а мы нашли его, — говорила Лена, потому что это была она! — Игорь. Спасибо тебе... спасибо за все, мы с Лизкой всегда будем помнить тебя. Мы все понимаем... да ну, ну не надо (это я пытался кричать «простите меня») — не надо... Игорь! Слушай! Тут такое дело... В общем, я даю Надю. Да, Надю!..

Тут в трубке послышалась какая-то возня, знакомый голосок говорил «я не могу», «не-е-е-е» и что-то еще, а потом вдруг наступила тишина, и я ощутил на том конце провода дыхание. И через секунду —

— Игорь!

— Да, Надя, — голос не слушался меня.

В трубке послышалось шуршание, бормотание, и потом — снова Надин голос:

— Игорь! Я... Я люблю тебя.

Я опрометью выскочил в тамбур, прижимая к уху телефон...

***

Через полтора года мы поженились. Мы женаты уже четыре года, и у нас все хорошо — никаких измен, никакой групповухи. С Лизой и Леной мы дружим, правда, без сексуального подтекста, и никогда не говорим о том дне. У Лизы и Лены тоже все хорошо: Лиза замужем, у

Лены есть парень...

E-mail автора: vitek1980@i.ua